

Большинство практиков секты Меча, потерпев поражение при прохождении небесной кары, оставляли напоследок своё намерение меча в камне Заточки Мечей или пруду Зарождения Мечей – так они благословляли грядущие поколения. Именно благодаря им эти два священных места обрели нынешнюю мощь. Однако теперь неизвестно, сколько мастеров меча предпочли бы, чтобы этих проклятых штуквин вовсе не существовало.

За три дня в секте Меча рассеяли культивацию бессчётное множество учеников.

По пути Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо не раз видели, как вдали прочь от секты уносились мечевые лучи их соучеников. Очевидно, не им одним поручили провожать людей домой.

– Выходит, каждый видит мир по-своему, – заметил Гу Цзыцзю.

Сам он узрел лишь величественную красоту и едва не совершил прорыв, тогда как эти люди увидели одно отчаяние и разом лишились всего, чего достигли.

– ...

Дуань Шаобо посмотрел на Гу Цзыцзю, словно хотел что-то сказать, но передумал.

– Что ты хотел сказать, младший брат?

– В глазах старшего брата всегда отражается лишь прекрасное в этом мире, но никогда – безобразное.

Договорив, Дуань Шаобо покраснел. Вероятно, собственные слова показались ему слишком неловкими, почти неприкрытой лестью.

– Нет, безобразное я тоже вижу. Просто, когда прекрасное и безобразное оказываются рядом, я прохожу мимо безобразного и смотрю лишь на прекрасное. Вот и сейчас: вместо того чтобы

глядеть на рыдающих внизу людей, я лучше полюбуюсь тобой.

[(□□□□) Хозяин, ты сейчас подкатываешь к своему младшему брату, ты в курсах? А как же обещание его не трогать?]

[Но я его и не трогаю. Уже и пару слов правды сказать нельзя? Мой младший брат и вправду великий красавец, на него многие смотрят. В моих словах нет ничего особенного.]

[Как знаешь, хозяин...](:з»∠) Ох уж этот извращённый вкус хозяина. Даже непонятно, кому теперь не повезёт.

Дуань Шаобо оторопел, зато краснота с его лица сошла. Он смотрел на Гу Цзыцзю, а тот с улыбкой смотрел в ответ. И что оставалось делать Дуань Шаобо? Только молча отвернуться и уставиться в небо.

В этой странной тишине они добрались до вершины Тун Бэйци. Ничего примечательного там не было: всё те же соломенная хижина и пруд. Нет, кое-что всё-таки изменилось – на берегу озера появился безумец.

Это был мужчина в одних длинных штанах. Тело его оставалось крепким и мускулистым, однако длинные волосы уже наполовину поседели. Несколько молодых практиков меча в чёрных одеяниях удерживали его, но он продолжал надрывно кричать и отчаянно вырываться.

– Дядя-наставник Дуань! Дядя-наставник Гу! – воскликнул один из них, заметив прибывших.

Дуань Шаобо они действительно знали лично, а Гу Цзыцзю... Его узнали по единственной в Поднебесной энергии меча, которая целыми днями беспрестанно изливалась наружу.

Услышав этот оклик, безумец внезапно затих. Он перестал кричать и сопротивляться, позволив остальным держать себя, и лишь смотрел сквозь спутанные волосы на Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо.

– Отпустите его и ступайте заниматься своими делами, – велел Дуань Шаобо.

– Да. Благодарим обоих дядей-наставников.

Все эти юноши были учениками Тун Бэйци. Тун Бэйци являлся предком меча уровня зарождающейся души, тогда как наставник Дуань Шаобо и Гу Цзыцзю носил ранг достопочтенного меча, а сами они уже сформировали ядро. Лишь благодаря добрым отношениям Тун Бэйци с окружающими юноши могли называть их дядями-наставниками – иначе пришлось бы величать обоих младшими боевыми двоюродными дедами.

Молодые люди даже не стали совещаться и вместе направились вниз с горы. Когда они ушли, безумец поднял руку и отбросил волосы назад, открыв лицо мужчины не старше тридцати с небольшим лет. Он был довольно красив, но взгляд его глубоко посаженных глаз казался настолько мрачным, что от него пробирало холодом.

Дождавшись, пока юноши скроются из виду, безумец спросил:

– Вы пришли проводить меня домой?

– Да...

– Мой младший соученик сформировал ядро, и мы спускаемся с гор ради странствий. Заодно доставим тебя домой, – сказал Гу Цзыцзю.

[...]

Системный помощник подумал, что порой его хозяин понимает всё лучше любого другого, но временами делается настолько невыносимым, что так и тянет его возненавидеть. Вот и сейчас он откровенно нарывался на неприятности.

Этим безумцем, разумеется, был И Чжэнь.

Прежде он пребывал на пике стадии Заложения основы, всего в одном шаге от формирования ядра. Но не сумел сдержаться и тайком взглянул, как старший член секты проходит небесную кару, – и в одно мгновение лишился всех прежних достижений.

Стоило Гу Цзыцзю договорить, как только что успокоившийся И Чжэнь вновь пришёл в возбуждение:

– Я ещё могу начать всё заново! Я не уйду!

По преданиям, находились практики, сумевшие восстановить культивацию даже после падения со стадии Трансформации духа, а И Чжэнь достиг всего лишь стадии Заложения основы. Мастера меча придавали равное значение постижению и непрерывной закалке собственного тела, поэтому после рассеивания культивации И Чжэнь должен был превратиться в старика за шестьдесят. Однако сейчас, если не считать наполовину седых волос, его тело по-прежнему оставалось крепким. Он ничем не уступал другим – ничем.

– Действительно, не каждый ученик, рассеявший культивацию, обязан уйти. Но неужели ты сам не понимаешь, следует тебе остаться или нет? – безжалостно спросил Гу Цзыцзю.

Потеря культивации по различным причинам не считалась чем-то невиданным, и после неё вполне можно было начать всё заново. Более того, практик мог восстать из руин и стать даже сильнее прежнего. Но при одном условии: если в его сердце ещё не зародился внутренний демон и возможность повторно совершенствоваться действительно сохранилась.

Даже покидавших секту Меча необязательно отправляли домой. Большинство утративших культивацию учеников, которых они встретили по пути, на самом деле направлялись в расположенный к югу от секты город Сверкающего Меча.

В конце концов, все они совершенствовались уже много лет. Большинство их родных давно умерли, а секта стала для них домом. Да они и сами уже не помнили, как жить в мире смертных обычными людьми.

Секта Меча хотя и была бедна, но всё-таки владела кое-каким имуществом! Уж приютить и защитить горстку людей у собственного порога она ещё могла.

Таких, как И Чжэнь, кому не позволяли восстановить культивацию и даже отсылали обратно в родные края, встречалось крайне мало. Ещё более странным было то, что Тун Бэйци, обычно добродушный и мягкий старший, теперь не пожелал даже проводить уходящего ученика.

Выслушав Гу Цзыцзю, И Чжэнь вдруг опустил голову и рассмеялся. Поначалу он сдерживал

смех, и всё его тело ходило ходуном, но постепенно смех стал громче и наконец превратился в истерический хохот. Глаза И Чжэня налились кровью, дыхание сбилось, он закашлялся. Ноги ослабли, и он рухнул на колени. Выплюнув сгусток кровавой слюны, И Чжэнь вытер рот и снова поднялся.

– Старший соученик Гу, тогда именно я должен был стать твоим младшим братом. Но этот мальчишка по дороге наговорил обо мне дурного, и позже достопочтенный меч Заточенного Острия отправил меня к достопочтенному мечу Румян. Я тогда был несмышлёным и так испугался дяди-наставника, что без конца плакал и устраивал сцены. Только поэтому в итоге и попал к Тун Бэйци. Все эти годы я мечтал ещё раз встретиться с тобой, но прежде видел лишь, как ты пролетал высоко у меня над головой... Кто бы мог подумать, что по-настоящему встретимся и заговорим мы лишь при таких обстоятельствах?

– Что? Постой...

Гу Цзыцзю ошеломлённо замер. Он совершенно точно помнил, что тогда с самого начала и до конца выбрал именно Дуань Шаобо. Откуда взялось это «я должен был стать твоим младшим братом»?

Но Дуань Шаобо внезапно схватил его за запястье и дважды покачал рукой. Гу Цзыцзю промолчал.

– Даже если я во всём ему уступаю, моя культивация всё равно была примерно равна его. Только я не ожидал... – И Чжэнь с ненавистью взглянул на Дуань Шаобо. – Старший соученик Гу, прошу, подожди немного. Я скоро вернусь.

И Чжэнь вошёл в собственную хижину. Лишь тогда Гу Цзыцзю повернулся к Дуань Шаобо:

– Зачем позволяешь ему ненавидеть тебя?

Ладно ещё слова о том, кто из них должен был стать младшим братом, но смысл фразы «во всём ему уступаю» Гу Цзыцзю понял лишь после некоторых раздумий.

Должно быть, И Чжэнь полагал... что Ли Биньчэн – прекрасный наставник, щедро одаривающий учеников ресурсами?

Вот уж поистине грандиозное заблуждение.

Ли Биньчэн вообще растил учеников на вольном выпасе. Случай самого Гу Цзыцзю был исключением, а Дуань Шаобо всего добился благодаря собственному усердию. Поначалу, когда тот чего-то не понимал, Ли Биньчэн отправлял его с вопросами на вершину главы секты. Позже Дуань Шаобо уже сам ездил туда верхом на деревянном цилине. Что до нынешних младших соученика и соученицы, ими и вовсе занимался Дуань Шаобо.

А насчёт ресурсов Гу Цзыцзю мог сказать лишь одно: секта Меча действительно очень бедна! И чем ближе кто-то был к линии главы секты, тем беднее становился! По сравнению с ними общительный и всеми любимый предок меча Тун Бэйци был настоящим богачом!

– Объяснять ему бесполезно. Зачем старшему брату понапрасну тратить слова? – Дуань Шаобо покачал головой, и выражение его лица осталось равнодушным.

Сейчас, стоя рядом с ослепительно сияющим Гу Цзыцзю, Дуань Шаобо выглядел так, словно именно его сердце ещё не пробудилось для любви.

При виде такого Дуань Шаобо сердце Гу Цзыцзю на мгновение сбилось с ритма. Однако лицо его не изменилось. Он лишь кивнул и даже ничего не сказал системному помощнику.

Гу Цзыцзю понимал: прежде он просто считал Дуань Шаобо «подходящим», однако только что впервые по-настоящему почувствовал влечение.

Это ощущение было... странным?

Он не мог понять, прекрасно оно или неприятно. Более того, теперь Гу Цзыцзю перестал понимать самого себя. Прежде он думал, что его привлекло равнодушие Дуань Шаобо. Раз уж он так любит прекрасное, то, естественно, не мог увлечься одной лишь красотой Дуань Шаобо – его должно было пленить живое сердце юноши. Но по-настоящему тронула Гу Цзыцзю именно эта бесстрастная отстранённость.

Не побывав в миру, и вправду не узнаешь, насколько сложны люди. И насколько сложен ты сам.

Гу Цзыцзю внезапно захотелось многое сказать Дуань Шаобо, о многом его спросить, но как раз в этот миг из хижины вышел И Чжэнь. Пользоваться хранилищем он больше не мог, поэтому нёс на плече узел с вещами, а за спиной у него висел драгоценный меч.

– Старший соученик Гу, идём.

Он обратился только к Гу Цзыцзю, совершенно не замечая Дуань Шаобо.

Дуань Шаобо было всё равно, а уж Гу Цзыцзю – и подавно. Он явился сюда лишь потому, что наставник велел доставить человека домой. Впрочем, в глазах Гу Цзыцзю этот человек мало чем отличался от груза.

Все трое поднялись в воздух. Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо летели плечом к плечу, а И Чжэнь плёлся позади. Он попытался приблизиться к ним, однако спустя всего пару шагов наткнулся на невидимую преграду. Как бы он ни старался, пройти вперёд не получалось.

И Чжэнь решил заговорить:

– Старший соученик Гу, все эти годы за пределами секты ты...

Он говорил довольно долго, но Гу Цзыцзю даже не обернулся.

Когда тот наконец подал признаки жизни, то лишь обратился к Дуань Шаобо. И Чжэнь разозлился ещё сильнее, но в конце концов перестал унижаться. Он вытащил драгоценный меч и принялся отрабатывать приёмы. Если бы Гу Цзыцзю удостоил его хотя бы одним взглядом, то обнаружил бы, что И Чжэнь повторяет тот самый комплекс, с помощью которого Ли Биньчэн когда-то выбирал себе учеников.

Оставалось лишь гадать, откуда И Чжэнь его раздобыл.

– Младший брат, моя культивация уступает наставнику. Путь от секты до города Цинпин займёт не меньше десяти дней. Садись и медитируй.

– Хорошо. Старшему брату придётся потрудиться.

- Ничего трудного.

Гу Цзыцзю достал палочку сахарного боярышника.

- Сначала съешь, потом будешь медитировать.

Дуань Шаобо взял сахарный боярышник и улыбнулся:

- Хорошо, старший брат.

Такой послушный, такой послушный, такой послушный, такой послушный, такой послушный...

Эти слова заполнили мысли Гу Цзыцзю.

[Может быть... мне стоит найти демона-кролика?]

[Ась?]

От этой внезапной, лишённой всякого контекста фразы системный помощник завис всем чипом.

[Похоже, мне нравятся послушные и милые. Но демоны-кролики обычно не слишком красивы и вряд ли сравнятся с таким великим красавцем, как мой младший брат.]

[...]

Системный помощник подумал: Вообще-то я куда послушнее. Вот даже сейчас молчу, но что-то не замечал, чтобы ты меня любил. Ты просто конченный хентай с извращённым вкусом.

<http://bllate.org/book/19889/1985368>